

Ибрагим Алач (Дорошевич)

Это не колокольчики стад звенят в горах, — это звенит копытами по горной тропинке сухой, проворный, как коза, горбоносый конь Ибрагима Алача.

Это не искры сыплются от кремней по дороге, — это вспыхивает на солнце золотая насечка на пистолетах, на кинжалах, на ятагане Ибрагима Алача. Зачем спускается с гор Ибрагим?

Сегодня день Великого Всадника. День святого Георгия. Велик аллах!

Он создаёт птиц, — он же рассыпает им корм по земле. Он создал горы, чтобы жить.

А долины покрыл золотыми нивами, зелёными лугами, стадами, сербами и болгарами.

Каждый год, в день Великого Всадника, «господа» спускаются с гор, чтоб назначить сербам «четели» [1]. Кому сколько платить. Три крови на Ибрагиме.

Три магометанских крови, — потому что кровь «райя» и не считается за кровь.

Но едет он спокойно и беззаботно, рука на рукоятке пистолета, ничего, никого не боясь.

Много чего знает Ибрагим, — только одно не знает: страха. Весело глядит он вниз на долину, — и под тонкими чёрными усами улыбаются губы Ибрагима. О весёлом думает человек.

Думает он, должно быть, какие «зулумы» возьмёт с неверных собак [2].

И «господа», которые спускаются с гор в долину назначать сербам «четели», — видя весёлого Ибрагима, улыбаются и думают:

«Будет о чём поговорить! Что на этот раз выдумал головорез?!»

Потому что Ибрагим Алач считается головорезом даже албанцами. Тихо в Рибовице.

Ибрагим едет по пустым улицам, узенькими коридорами между стен без окон, — потому что кто же здесь делает окна на улицу?

И пословица старосербская говорит:

«Если строишь дом в Ипеке, не делай окон на улицу; если в Приштине, пожалуй, сделай, только повыше от земли; в Призр-е, если крепки железные решётки, можешь даже отворять окно, — когда на улице никого нет». А Ипек рай пред Рибовицей.

Ибрагим останавливает коня пред калиткой и свистит. В тот же миг из калитки выходит серб без шапки. Он ждал по ту сторону калитки, - когда его свистнут.

Ждал, и сердце его билось по стуку копыт коня Ибрагима.

— Здравствуй, господин! — говорит серб, рукою касаясь земли, и держит стремя Ибрагиму.

Ловко, как кошка, соскакивает с коня Ибрагим и идёт в дом к сербу.

Считает у него скот, говорит:

— А нынче хорошо зазеленело в полях.

Делает на двух «четелях» заметки, сколько в этом году платить сербу, — одну дощечку отдаёт ему, другую прячет к себе в сумку за седлом.

Даже не смотрит дрожащий серб на дощечку. Сколько там нацарапано.

До Михаила архангела времени много. Успеет насмотреться. Ибрагим Алач объехал всех «своих» сербов и повернул коня на базар.

Дело сделано, теперь можно и повеселиться. «Четели» назначены, теперь можно заняться и «зулумами». На краю базара лавка Данилы.

Ибрагим трогает повод. Конь, перебирая точёными ногами и косясь на разложенную зелень, останавливается у лавки Данилы.

— Здравствуй, господин! — говорит Данило, бледнея и касаясь рукою земли. Ибрагим смотрит на него с улыбкою.

Достаёт из-за пояса шёлковый платок, наклоняется с седла, захватывает в горсть бобов из кошёлки, завязывает в шёлковый платок и кидает в лицо Данилы.

Данило кланяется, касаясь рукою земли, и с ужасом глядит на платок. Ибрагим уже проехал дальше.

Данило развязывает шёлковый платок и считает бобы. Ноги у него подкашиваются, глаза становятся мутными, дрожит отвисшая нижняя губа.

И долго он понять не может, что говорит ему покупатель, пришедший купить зелени. Ошеломило человека.

А Ибрагим окликнул уж скотовода Марко, выгнавшего на базар поганных свиней.

— Поганный!

— Здрав будь, господин! — низко кланяется Марко. Ибрагим, не торопясь, достаёт две гильзы. Высыпает из дробницы двенадцать картечин. Шесть сыплет в одну гильзу и затыкает пыжом.

В другую насыпает сначала порошу заряд, забивает пыжом. Марко, дрожа, испуганными глазами смочит на то, что делает Ибрагим.

Ибрагим, не торопясь, кладёт и в эту гильзу шесть картечин, забивает пыжом и кончиком кинжала чертит на гильзе знак:

— Это будет значить: «для Марко».

Он прячет свою гильзу с порохом в патронташ, который идёт по поясу, а другую, с одними картечинами, подаёт Марко.

— В день Великого Воина я приду опять. От тебя будет зависеть, куда получить свой заряд: в карман или в лоб. Что тебе лучше, то и выбирай.

— Счастлив будь, господин! — бормочет Марко, пряча гильзу за пазуху и всё ещё кланяясь, хоть Ибрагим уже проехал дальше.

Рука у него ходит ходуном, и долго Марко не может найти даже собственной пазухи.

Ибрагим встретил приятелей — «господ», которые тоже уж назначили «своим» сербам и болгарам и «четели» и «зулумы», — и всех их позвал в гости к Мирко. Самый богатый гяур во всей Рибовице. Знает Мирко, что господин его не минет. Спрятал дочь в погреб. Посмотрел на жену:

— Кажется, не хороша?

Но махнул рукой:

— Ступай и ты в погреб. Лучше будет! Один с работниками господам услужу.

С низкими поклонами встречает Мирко своего господина и чужих господ.

— В прошлый день Великого Воина я видел у тебя дочь. Тогда ещё была девчонка, теперь прошёл год... Где она?

— Девушки плохие жильцы. Не успел оглянуться, уехала жить в другой дом. Вышла замуж моя дочь! — улыбаясь и кланяясь, отвечает Мирко.

— Жаль, — мрачно говорит Ибрагим, — скажи жене...

— Жена к соседям ушла! — кланяется Мирко.

— Ну, а бараны у тебя дома или тоже к соседям в гости ушли?

— Бараны дома! — старается как можно веселее смеяться Мирко.

— Жарь их.

До позднего вечера бражничает Ибрагим со своими гостями. Угощает их как только можно лучше.

А когда взошла луна, и при её свете узенькой белой ниточкой засверкала на горе тропинка, Ибрагим поднимается с места.

Засёдланные кони уж нетерпеливо бьют копытами о землю.

— Сколько было барашков? — спрашивает Ибрагим, доставая кошелёк.

Мирко смотрит на него с удивлением, даже с испугом.

— Сколько было барашков? — Не слышишь? — уж сердито повышая голос, спрашивает Ибрагим, и брови его заходили ходуном.

Все «господа» смотрят на Ибрагима с удивлением. А он перебрасывает из руки в руку кошелёк и звенит серебром.

— Сколько было зажарено барашков?

— Что их считать? — бормочет Мирко. — Было шесть...

— Почём теперь барашки?

— Да стоит ли даже думать об этом, господин...

Брови Ибрагима сдвинулись сурово и страшно. Рука, кажется, потянулась к ятагану.

— К тебе не разбойники приехали, собака. Говори, сколько стоит барашек...

— Три пиастра! Три пиастра! — спешит ответить трясущимися губами Мирко.

Он не знает, не во сне ли ему это снится. И только думает:

«Если сплю, поскорей бы проснуться!»

— Барашки были хороши! — успокоившись, говорит Ибрагим. — За таких барашков не жаль заплатить и по пяти пиастров!

Мирко вздыхает с облегчением и кланяется с благодарностью.

— Куры?

— Ну, что кур считать? Что может курица стоить?

— Куры, тебя спрашивают?

— Ну, полпиастра, господин. Полпиастра, господин.

— Куры были жирные. Мне подарков не надо. Такая курица стоит целый пиастр! Их было зажарено десять...

— Ну, хоть было зажарено и пятнадцать, — будем считать, что десять. — Пятнадцать кур — пятнадцать пиастров. Да тридцать за барашков. Ну, всё остальное, будем считать, пятнадцать пиастров ещё. Пятьдесят пиастров за всё угощение. Довольно?

Мирко одной рукой дотрагивается до земли, другой касается лба и сердца.

Радостная улыбка у него по всему лицу:

— Господин!..

— Ну, так плати мне пятьдесят пиастров, — и мы едем. Пора! - спокойно говорит Ибрагим. Все «господа» разражаются хохотом. Только один Ибрагим спокоен. — Ну, что ж ты стоишь? Плати пятьдесят пиастров. Сам сказал, что угощение стоит столько. Плати «таш-парази» [3].

Нетвёрдыми шагами идёт Мирко в Другую комнату, стараясь улыбнуться, выносит деньги и с низким поклоном подаёт их Ибрагиму.

Ибрагим пересчитывает пиастры, говорит:

— Это недорого! — Кладёт их в кошелёк, прячет кошелёк за пояс, как кошка, вспрыгивает на седло. И в ночной тишине зазвенели по каменистой тропинке, как колокольчики удаляющегося стада, копыта коней «господ», уезжающих к себе в горы до дня Великого Воина.

В день Великого Воина, архангела Михаила, снова «господа» спускаются с гор в «свои» долины.

Собирать «четели» и «зулумы», назначенные в день Великого Всадника.

Снова едет Ибрагим, сверкая золотой насечкой на пистолетах, кинжалах, ятагане, по мёртвым улицам Рибовицы, и сухопарый конь его стучит копытами по мёрзлой земле, словно гроб заколачивают.

Ибрагим останавливается у низеньких калиточек, достаёт из сумки за седлом дощечки, по ним пересчитывает пиастры «своих» низко кланяющихся сербов и болгар. «Четели» собраны. Ибрагим выезжает на базар.

Торговец Данило уж ждёт его на пороге лавчонки, дрожащий, - встречает низким поклоном. Ибрагим останавливает коня.

— Не потерял ли я тут, около твоей лавки, шёлкового платка в день Великого Всадника? — спрашивает Ибрагим.

— Верно, господин! — с бледной улыбкой отвечает Данило, доставая из-за пазухи платок. — Шёлковый платок с золотом. Я сохранил его в целости!

И он дрожащею рукою подаёт Ибрагиму платок. Ибрагим, не торопясь, развёртывает платок. Данило меняется в лице.

Ибрагим пересчитывает золотые и, подбрасывая их на ладони, спрашивает:

— Все?

Данило становится белым под пристальным взглядом Ибрагима, дрожит всем телом.

Голос его становится каким-то странным, глухим, чужим.

— Сколько было бобов... — с трудом выговаривает он.

— Собака! — спокойно говорит Ибрагим, и в голосе, и во взгляде его отвращение, презрение.

— Собака! В каждом пальце у меня больше ума, чем у тебя в голове! Собака!.. Ты думал: «Господин не считал бобов». Мне не нужно глядеть, я на ощупь сочту, сколько. Я дал тебе двенадцать бобов, а ты мне возвращаешь одиннадцать золотых?!

Ибрагим медленно считает, опуская золотые в кошелёк: - ...девять... десять... одиннадцать... двенадцать... Отчаянный визг Данилы заставляет вздрогнуть всех на базаре и шарахнуться в сторону. Ятаган Ибрагима, словно молния, сверкнул. Данило держится за левое ухо, сквозь пальцы у него льётся тёмно-алая кровь.

Отрубленное окровавленное ухо валяется у его ног. Весь базар, при блеске ятагана, от ужаса широко раскрывший глаза, теперь уже глядит успокоенно:

— Только ухо!

А Ибрагим уж поманил к себе из толпы Марко. Ежесекундно наклоняясь, чтоб коснуться рукою земли, Марко приближается к Ибрагиму.

— Будь здоров, господин!

Ибрагим смотрит на него с презрением и шарит в патронташе.

— Твой заряд цел. Хочешь получить его в карман или в голову?

— Я надеюсь получить его в карман! — отвечает, стараясь улыбнуться. Марко.

— Только прости меня, господин. Ты мне тогда не сказал, а я побоялся спросить. Что ты желаешь иметь? Овец или коз?

— А ты что же приготовил? — строго спрашивает Ибрагим. — У меня есть и овцы, и козы. Что тебе будет угодно, господин! — отвечает с поклоном Марко, показывая на стадо, пригнанное на базар.

— Хорошо! — спокойно и с удовольствием говорит Ибрагим. — Я возьму шесть коз...

У Марко — вздох облегчения. Словно тяжесть упала с него. Он с жадностью глядит на своих жирных, косматых овец.

— ...и шесть овец! — спокойно добавляет Ибрагим. Марко бледнеет, начинает пошатываться на ногах. — Гони тех и других во двор к Мирко. Я еду к нему есть.

У Марко в глазах на момент ненависть, но он спешит поклониться.

Марко гонит коз и овец во двор к Мирко. У Мирко уж всё готово к приёму господина. Дом полон чада. Кипит, шипит всё жареное, варёное.

Мирко с поклонами, с улыбкой, которая даже кажется радостной, встречает «своего албанца».

— Вот что, Мирко, — говорит Ибрагим, садясь есть, — я отдохну, - а ты пока прогони ко мне моих коз и овец. Мне не хочется их гнать самому. Да скажи там, у меня дома, чтоб прислали мне патронов, — я мало захватил.

Мирко кланяется и спешит исполнить приказание. Перед вечером он возвращается с патронами.

— Всё исполнено, как ты приказал! — с радостной улыбкой сообщает он. У него сияющее лицо.

Ибрагим, улыбаясь, глядит на него и на патроны.

— Мирко, ты потерял два патрона. Мирко смотрит с удивлением и лёгким испугом:

— Мог ли я, господин?.. Я нёс патроны, — твои патроны! — как собственные деньги. Сколько мне дали у тебя дома, господин, столько я и принёс. Приедешь домой, — спроси. Они скажут, что дали...

— Мирко, ты потерял два патрона! — спокойно повторяет Ибрагим, но уже брови его сдвинулись. Глаза смотрят зло, углы губ опустились от презрительной улыбки. — Ты потерял два патрона, собака. Ведь ты пригнал ко мне весь мой скот?!

— Весь, господин! Мирко бледнеет, дрожит.

— Чего ж ты бледнеешь, собака? Ты пригнал шесть коз и шесть овец?

Мирко молчит.

— Тебе дали столько патронов, сколько голов скота ты пригнал. Так было заранее приказано дома. Тебе дали, значит, двенадцать патронов?!.. Или ты украл у мера две головы. Молчишь, собака?..

Ибрагим достаёт пистолет.

Мирко хочет крикнуть, но у него перехватывает дух. Он открывает рот, но не может пошевелить губами. Ибрагим, спокойно развалясь, целит ему в лоб. Ибрагим с интересом, с удивлением смотрит на то, чего он не знает. На страх.

Он смотрит, как у Мирко сами подгибаются колени, как вытягивается лицо, как становятся бессмысленными глаза, как они закрываются слезами. Смотрит, как каждая жилка, каждая морщина дрожит у Мирко. Всё лицо дрожит, как кисель. И с отвращением нажимает курок пистолета. Выстрел.

Мирко взмахивает руками, откидывается назад и валится набок.

Ибрагим встаёт, прячет за пояс пистолет и шагает через тело, на ходу бросив только мельком взгляд. Между глаз. Выстрел был хорош.

Ибрагим вскакивает на коня и спокойно, не торопясь, едет назад, к себе в горы.

И словно колокольчики удаляющегося стада, звенят копыта коня по подмёрзшей от ранних заморозков земле.

И голубыми огоньками вспыхивают при ярком свете луны искры насечки на пистолетах, кинжалах, ятагане Ибрагима Алача.